

С.П. Боткин

**Курс клиники внутренних
болезней**

Том I

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 61(035)
ББК 51.1
С11

С11 **С.П. Боткин**
Курс клиники внутренних болезней: Том I / С.П. Боткин – М.: Книга по Тре-
бованию, 2021. – 470 с.

ISBN 978-5-458-25057-3

Старейшая медицинская книга.

ISBN 978-5-458-25057-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

III

высшихъ, вѣдавшихъ, такъ сказать, судьбы медицины въ Россіи, занимали,—къ тому же иногда и не по заслугамъ—первенствующее положеніе.

Онъ ясно сознавалъ и не разъ высказывалъ, что идя постоянно, такъ сказать, на помочахъ у иноземцевъ, какъ бы они ни были хороши, и занимая поэтому второстепенное положеніе, русскій врачъ не имѣлъ бы и возможности выказать въ полной мѣрѣ своихъ знаній и способностей въ самостоятельномъ руководствѣ какимъ бы то ни было дѣломъ. Поэтому, при равныхъ условіяхъ, во всѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло отъ него зависѣло, отдавалъ всегда предпочтеніе русскому передъ лицами другихъ національностей, что имѣло, повторяю, особое значеніе у насъ, въ Петербургѣ, и за что онъ нерѣдко подвергался незаслуженнымъ нареканіямъ. Нареканія эти были незаслужены не только потому, что онъ поступалъ такъ не изъ лицепріятія, или чувства національной розни, которое было ему совершенно чуждо, а по принципу, которому строго слѣдовалъ, но нерѣдко и потому, что вслѣдствіе своего положенія, какъ естественной главѣ русской партіи въ Академіи и въ городѣ, невольно казался въ глазахъ лицъ, не знавшихъ близко дѣла, отвѣственнымъ часто и за чужія дѣйствія.

Все это вполнѣ дѣлаетъ понятнымъ тотъ высокій авторитетъ и значеніе, которые занималъ С. П. среди врачебнаго и ученаго міра и даетъ ему право на почетное мѣсто въ ряду выдающихся русскихъ общественныхъ дѣятелей.

Но не меньшей славой и не меньшимъ авторитетомъ пользовался онъ и среди публики, какъ врачъ и консультантъ, и не только потому, что отъ него ждали послѣдняго слова въ каждомъ запутанномъ случаѣ, обращаясь къ нему съ увѣренностью въ возможности спасенія даже больныхъ, повидимому, совершенно безнадежныхъ, но и вслѣдствіе его высокихъ душевныхъ качествъ, его сердечнаго, одинаково внимательнаго и участливаго отношенія къ каждому больному, его доступности всѣмъ и каждому. Смотря на дѣятельность врача, какъ на священный долгъ, онъ ставилъ состраданіе къ больному и гуманное, человѣчное къ нему отношеніе необходимой принадлежностью каждого врача, своимъ примѣромъ показывая многочисленнымъ ученикамъ

своимъ, каковъ долженъ быть идеаль врачъ. Больные, конечно, чувствовали это и уходили отъ него не только съ надеждой на излѣченіе, но и съ чувствомъ глубокой симпатіи и уваженія. Безъ преувеличенія можно сказать, что Боткина, какъ врача, знала и чтала вся Россія.

Безъ сомнѣнія, подробная біографія такихъ выдающихся лицъ, какъ покойный С. П. Боткинъ, должна быть въ высокой степени интересна и поучительна для потомства, такъ же какъ и полное собраніе его сочиненій, какъ ученыхъ, такъ и литературныхъ (напримѣръ, рѣчей по различнымъ поводамъ), какъ выходившихъ въ разное время отдѣльными выпусками, такъ и разбросанныхъ въ различныхъ по-временныхъ изданіяхъ. Общество русскихъ врачей, въ которомъ покойный былъ долго предсѣдателемъ, рѣшивъ воспользоваться предоставленнымъ ему семьей покойнаго С. П. правомъ изданія его сочиненій, но не имѣя возможности предпринять пока изданія полного ихъ собранія, остановилось на мысли выпустить вторымъ изданіемъ, безъ всякихъ измѣненій, только собраніе его клиническихъ лекцій, отчасти написанныхъ имъ самимъ, отчасти составленныхъ его учениками и изданныхъ подъ его редакціей.

Остановилось на этой мысли Общество русскихъ врачей во-первыхъ, потому, что въ лекціяхъ образъ С. П., какъ клинициста, профессора и ученаго, выражается наиболѣе ярко, а во-вторыхъ, потому, что большинство изъ нихъ до сихъ поръ еще не потеряли своего значенія и интереса, а нѣкоторыя, наконецъ, составляютъ и библіографическую рѣдкость.

Взявъ на себя порученіе прибавить къ этому собранію лекцій краткій біографическій очеркъ С. П., я вполнѣ сознаю трудность для меня даже и этой задачи, ибо зналъ С. П. лично только въ послѣдніе годы его дѣятельности, а живыхъ свидѣтелей первыхъ годовъ ея остается такъ мало, что возстановить инныя событія въ правильномъ освѣщеніи является очень труднымъ, а часто даже и невозможнымъ, тѣмъ болѣе, что какихъ-либо письменныхъ документовъ сохранилось очень немного, да и не все, можетъ быть, сохранившееся мнѣ доступно. Наибольшій матеріалъ находится въ „Воспоминаніяхъ“ д-ра Н. А. Бѣлоголова, которыми мы и пользовались, кое гдѣ его пополняя по документамъ, сохранившимся у семьи покойнаго С. П. или въ архивѣ

Военно-Медицинской Академіи. Тѣмъ не менѣе, мы просимъ заранее у читателей снисхожденія за легко возможную неполноту этого очерка.

С. П. Боткинъ родился въ Москвѣ 5-го сентября 1832 г., въ чисто русской семьѣ. Отецъ его, Петръ Кононовичъ, происходилъ изъ крестьянъ Исковской губерніи, но поселился въ Москвѣ, гдѣ занялся чайной торговлей, и былъ человѣкъ, очевидно, недюжинный, ибо сумѣлъ не только составить себѣ большое состояніе, но и сдѣлаться однимъ изъ главныхъ организаторовъ оптовой нашей чайной торговли съ Китаемъ. Онъ былъ женатъ 2 раза и имѣлъ всего 25 человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ остались въ живыхъ 9 сыновей и 5 дочерей. Сергій Петровичъ родился отъ второго брака отца съ А. И. Постниковой, происходившей также изъ купеческой семьи. Во время дѣтства своихъ младшихъ дѣтей, отецъ С. П., какъ рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ близкій другъ покойнаго и хорошо знавшій его семью докторъ Н. А. Бѣлоголовый, былъ уже въ преклонномъ возрастѣ и былъ очень занятъ своими торговыми дѣлами, поэтому въ воспитаніи ихъ большую роль играли старшіи братья С. П., Василий Петровичъ Боткинъ, человѣкъ хорошо образованный, извѣстный и въ русской литературѣ и близко стоявшій къ знаменитому московскому кружку Бѣлинскаго, Грановскаго, Станкевича и другихъ. (Грановскій даже жилъ долгое время въ домѣ Боткиныхъ и былъ знакомъ съ ними семьями).

Вліянію старшаго брата, вѣроятно, и слѣдуетъ приписать то, что многіе изъ членовъ многочисленной семьи Боткина получили прекрасное образованіе, приобрѣти себѣ извѣстность впоследствии на различныхъ поприщахъ. Первымъ учителемъ С. П. былъ до сихъ поръ еще здравствующій Аркадій Францовичъ Мерчинскій, тогда студентъ Московскаго университета. Съ нимъ С. П. сохранялъ дружескія связи всю жизнь. Аркадій Францовичъ былъ хорошій педагогъ, отличный математикъ и передать любовь къ этой наукѣ и своему ученику, такъ что, поступаая впоследствии въ университетъ, С. П. желалъ поступить на математическій факультетъ и только случай привелъ его на медицинскій.

До 15-ти-лѣтняго возраста С. П. воспитывался дома, а затѣмъ въ 1847 году поступилъ приходящимъ въ извѣстный въ то время въ Москвѣ пансіонъ Энпеса, заявивъ при поступленіи, что желаетъ приготовиться въ университетъ, вслѣдствію чего, кромѣ общаго курса, долженъ былъ отдѣльно изучать латинскій языкъ, не входившій въ число предметовъ, какъ обязательный. По воспоминаніямъ д-ра Н. А. Бѣлоголоваго, вмѣстѣ съ нимъ поступившаго въ пансіонъ съ той же цѣлью, пансіонъ былъ поставленъ очень хорошо. Составъ преподавателей выбирался по преимуществу изъ молодыхъ кандидатовъ Московскаго университета, и въ числѣ ихъ были многіе, составившіе себѣ впослѣдствіи громкую извѣстность въ литературѣ или наукѣ, какъ, напри- мѣръ, Афанасьевъ (извѣстный знатокъ и собиратель русской старины), Давыдовъ (впослѣдствіи проф. математики Московскаго универс.), Бабсть (извѣстный политико-экономъ и тоже впослѣдствіи проф. Московск. универс.), Фелькемъ (проф. Московск. универс.) и другіе.

Здѣсь С. П. провелъ 3 года, оказавъ настолько блестящія способности и трудолюбіе, что уже среди 1-го года былъ переведенъ въ слѣдующій классъ, и вскорѣ рѣшилъ, не окончивая курсъ въ пансіонѣ, прямо изъ 2-го класса держать экзаменъ въ университетъ, что и выполнилъ въ 1850 году. Желанію С. П. поступить на математическій факультетъ, къ счастію для русской медицины и самого С. П. (какъ онъ самъ не разъ высказывалъ впослѣдствіи, считая медицинскую дѣятельность за наиболѣе способную дать полное нравственное удовлетвореніе и интересъ въ жизни), не суждено было осуществиться, ибо, по приказанію Императора Николая I, тогда на всѣ другіе факультеты пріемъ былъ ограниченъ только лучшими воспитанниками казенныхъ гимназій, на медицинскій же, какъ считавшійся практическимъ, не дававшимъ широкаго общаго образованія и вслѣдствіе недостатка въ врачахъ—принимались всѣ. Такимъ образомъ и Сергѣю Петровичу пришлось поступить на медицинскій факультетъ.

Что касается до студенческой жизни Боткина, то она извѣстна намъ весьма мало, и здѣсь приходится руководствоваться только воспоминаніями д-ра Бѣлоголоваго и отчасти краткими разсказами о нѣкоторыхъ ея фактахъ самого С. П., которые намъ приходилось слышать отъ него лично. Бѣ-

доголовый свидѣтельствуеъ, что С. П. былъ примѣрнымъ студентомъ и почти все свое время отдавалъ научнымъ занятіямъ. Онъ аккуратно посѣщалъ лекціи, самъ ихъ записывалъ и, несмотря на свою слабость зрѣнія (астигматизмъ съ дѣтства), очевидно записывалъ лучше другихъ, ибо многіе впослѣдствіи обращались къ нему за справками. Изъ профессоровъ младшихъ курсовъ наибольшимъ вліяніемъ между молодежью пользовались, по словамъ Бѣлоголова, проф. физиологіи И. Т. Глѣбовъ и проф. фармаціи П. Э. Лясковскій. По отношенію къ Глѣбову, — бывшему впослѣдствіи товарищемъ президента Мед. Хир. Академіи Дубовицкаго, — эти воспоминанія совершенно совпадаютъ съ словами самого С. П., знавшаго И. Т. Глѣбова лично и высоко его цѣнившаго, какъ передового для своего времени человѣка и отличнаго профессора, живо интересовавшагося успѣхами своей науки и умѣвшаго, несмотря на строгость, съ которою онъ относился къ студентамъ на экзаменахъ, заслужить ихъ общую любовь и своимъ талантливымъ и живымъ изложеніемъ предмета развить въ нихъ уваженіе къ наукѣ и стремленіе ею заниматься.

Изъ клиническихъ преподавателей старшихъ курсовъ, наибольшее вліяніе на С. П. имѣлъ несомнѣнно знаменитый въ лѣтописяхъ Московскаго университета Ф. И. Иноземцевъ, какъ человѣкъ весьма талантливый, тонкій наблюдатель и оригинальный умъ, къ тому же прекрасный лекторъ, горячо любившій свое дѣло и, несмотря на свою большую практику, много времени отдававшій студентамъ. Его самостоятельныя и оригинальныя взгляды на свойства болѣзней хотя и были во многомъ теоретичны и ошибочны, но это нисколько не мѣшало ему быть отличнымъ преподавателемъ, ибо для того, чтобы создать свою теорію, необходимо умѣть критически отнестись къ чужимъ взглядамъ и не считать установившееся воззрѣніе за готовую, не нуждающуюся въ поправкахъ истину. Вотъ эта живая струя критическаго отношенія къ современнымъ ему медицинскимъ воззрѣніямъ. Въ то время, когда большинство преподавателей считали господствовавшія воззрѣнія вполне совершенными и, какъ катехизисъ, не подверженнымъ сомнѣнію, затѣмъ его клиническіе разборы больныхъ, отличавшіеся тонкой наблюдательностью и полнотой, — привлекали къ нему слушателей,

на развитіе которыхъ, по словамъ Боткина, Иноземцевъ имѣлъ большое вліяніе. С. П. не разъ вспоминалъ, что, когда впоследствии, по окончаніи курса, онъ рѣшилъ ѣхать учиться за границу, то нѣкоторые профессора, съ которыми онъ совѣтовался, искренно удивлялись, за чѣмъ ѣхать за границу и чему тамъ учиться, когда наука вполне совершенна и, такъ сказать, закончена,—и изъ старыхъ профессоровъ только Иноземцевъ рѣшительно совѣтовалъ непременно сдѣлать это, хотя и затруднялся, куда именно его направить. Изъ другихъ профессоровъ 4-аго курса большой славой въ городѣ и значеніемъ въ факультетѣ пользовался Овэръ, завѣдывавшій терапевтической клинкой; но, занятый всецѣло практикой, онъ такъ мало посвящалъ времени студентамъ, являясь на лекціи скорѣе случайно, чѣмъ по обязанности, что не могъ имѣть на слушателей большого вліянія. Безъ сомнѣнія, онъ былъ даровитый и опытный клинникъ, ибо С. П. не разъ вспоминалъ его обходы и вѣрныя болѣею частію діагностики, несмотря на то, что онъ не пользовался почти другими методами изслѣдованія, кромѣ осмотра,—но слушатели-то не могли отъ него многому научиться и были предоставлены почти всецѣло въ руки адъюнкта, человѣка не талантливаго и ведшаго дѣло, по словамъ Бѣлоголоваго, вполне рутинно.

Когда началась крымская война, Боткинъ былъ на 4-мъ курсѣ, и Бѣлоголовый рассказываетъ, какихъ волненій стоило многимъ изъ нихъ рѣшеніе не ѣхать немедленно на войну, что имъ усиленно предлагалось начальствомъ, а заявить, что они остаются, желая пройти и 5-ый курсъ, тѣмъ болѣе, что начальство было противъ этого. Ясно сознавая недостаточность своего образованія, большинство изъ нихъ съ удвоеннымъ усердіемъ работали на 5-мъ курсѣ, гдѣ, къ счастью, и составъ преподавателей, въ особенности по внутренней медицинѣ, былъ лучше. Каѣдру 5-го курса занималъ тогда Варвинскій, свѣдущій и образованный практикъ, знакомый и съ новыми тогда методами изслѣдованія и съ патологической анатоміей, тѣмъ болѣе, что адъюнктомъ Варвинскаго былъ тогда молодой ученый, только что возвратившійся изъ-за границы, нѣкто П. Л. Пикунинъ, съ охотой и увлеченіемъ занимавшійся со студентами, объ которомъ С. П. сохранилъ самыя лучшія воспоминанія. При за-

нтяхъ на 5-мъ курсѣ, особенно выказалась, по словамъ Бѣлоголоваго, талантливость Боткина; онъ необыкновенно быстро усваивалъ себѣ все, съ охотой помогая своимъ товарищамъ; его пытливый умъ съ особенной любовью останавливался и тогда на трудныхъ случаяхъ, и всѣ товарищи признавали его превосходство.

Какъ ни старались молодые люди взять какъ можно больше съ 5-го курса, но, все-таки, благодаря продолжающейся войнѣ, имъ пришлось окончить курсъ двумя мѣсяцами раньше, причемъ Боткинъ, единственный изъ всего курса, выдержалъ экзаменъ прямо на доктора, съ одной только переэкзаменовкой у проф. Глѣбова, который, вообще, по принципу, никого не пропускалъ прямо на доктора. Уже и то, что Глѣбовъ далъ ему переэкзаменовку, чего онъ, обыкновенно, не дѣлалъ, сказавъ Боткину только, чтобы онъ лѣтомъ специально ознакомился съ физиологической литературой, свидетельствовало о выдающихся познаніяхъ С.П., и осенью онъ съ успѣхомъ эту переэкзаменовку выдержалъ.

Вскорѣ встѣдъ за окончаніемъ курса, онъ отправляется на войну въ отрядъ, во главѣ котораго стоялъ Н. П. Пироговъ, гдѣ работаетъ нѣсколько мѣсяцевъ. Эта работа на войнѣ только еще болѣе убѣдила его въ необходимости довершить свои знанія за границей и вскорѣ по возвращеніи въ Москву онъ окончательнo рѣшаетъ ѣхать: къ тому-же, въ это время умираетъ его отецъ, оставляя ему небольшой капиталъ, которымъ онъ могъ распорядиться совершенно самостоятельно. Въ это время С. П. очевидно уже думалъ объ ученой карьерѣ, такъ какъ вступаетъ, вѣроятно по рекомендаціи Глѣбова, въ сношенія съ профессоромъ Медико-Хирургической Академіи Шипулинскимъ, завѣдывавшимъ академической терапевтической клинкой, представившимъ его въ 1858-мъ году конференціи Академіи, какъ выдающагося по способностямъ и знаніямъ молодаго докторапта, на имѣющую освободиться вакансію адъюнкта при его кафедрѣ. Въ рапортѣ своемъ конференціи Шипулинскій тогда же упоминаетъ, что Боткинъ могъ бы занять это мѣсто не ранѣе какъ черезъ 1½ года, т. к. отправляется для усовершенствованія за границу. Въ заграничной поѣздкѣ С. П. интересно то, что, какъ мы слышали это отъ самаго С. П., отправляясь за границу, онъ не знаетъ, что

попадетъ къ Вирхову, имя котораго гремѣло уже тогда въ Германіи, и встрѣтившійся на дорогѣ, если не ошибаюсь въ Кенигсбергѣ, нѣмецкій врачъ съ такимъ увлеченіемъ описалъ ему Вирхова и значеніе того переворота въ медицинѣ, который сдѣлали его работы, что Боткинъ тотчасъ же рѣшился, прежде всего, отправиться въ Вюрцбургъ, гдѣ работалъ тогда Вирховъ.

Здѣсь, ничѣмъ не стѣсняемый, онъ всецѣло отдается работѣ, и такова тогда была подготовка въ Московскомъ университетѣ, что все пришлось, по его словамъ, начинать съ азоевъ. Даже устройство и употребленіе микроскопа было мало имъ тогда знакомо. Вирховъ вскорѣ переселился въ Берлинъ, куда за нимъ отправился и Боткинъ, гдѣ работалъ какъ съ микроскопомъ, подъ непосредственнымъ руководствомъ Вирхова, такъ и въ лабораторіи патологическаго института, гдѣ завѣдующимъ былъ тогда Гоппе-Зейлеръ. Работая въ лабораторіи, онъ не забывалъ однако и клиники, особенно усердно посѣщая клинику Траубе, котораго С. П. и впоследствии высоко цѣнилъ какъ клинициста и ученаго, отдавая ему предпочтеніе передъ всѣми другими представителями тераневтическихъ клиникъ того времени. Клиника Траубе привлекала его не богатствомъ матеріала, но всестороннимъ и строго-научнымъ изученіемъ его, основательной научной подготовкой ея руководителя и тѣмъ богатствомъ мыслей и обобщеній, по поводу различныхъ болѣзненныхъ явленій, которыя такъ свойственны были Траубе и которыми отличался также и самъ Боткинъ. Докторъ Вѣлоголовый вполне правъ, когда, вспоминая время проведенное ими вмѣстѣ съ Боткинымъ въ Берлинѣ, говоритъ, что Траубе и Боткинъ были очень сходны между собой по натурѣ и что „почти на каждой лекціи отъ нихъ обоихъ можно было вынести что-нибудь свѣжее, новое, чего не найдешь ни въ какой книгѣ—мысль, или наблюденія, не сдѣлавшіяся еще общимъ достояніемъ науки, а только называвшіяся въ мозговой лабораторіи профессора“.

Объ этой порѣ усиленной и живой работы въ Берлинѣ Боткинъ сохранилъ навсегда самыя свѣтлыя воспоминанія и дружескія отношенія съ своими учителями, такъ же какъ и съ кружкомъ русскихъ молодыхъ ученыхъ, бывшихъ въ то время въ Берлинѣ, въ особенности съ И. М. Сѣчено-

мымъ, съ которымъ и въ послѣдствіи его связывала тѣсная дружба. Не останавливаясь на подробностяхъ берлинской жизни Боткина, за которыми любопытный читатель можетъ обратиться къ интереснымъ воспоминаніямъ Бѣлоголоваго, мы упомянемъ только, что С. П. въ общемъ работалъ въ Берлинѣ около 2-хъ лѣтъ, рѣшивъ затѣмъ познакомиться и съ другими большими университетами, именно съ Вѣнскимъ и Парижскимъ, и въ началѣ 1859 года былъ ужъ въ Вѣнѣ. Здѣсь С. П. окончилъ среди другихъ занятій свои берлинскія работы и оставался не долго. Вѣна послѣ Берлина оставила въ немъ плохое впечатлѣніе,—только одинъ проф. физиологъ Людвигъ представлялъ исключеніе.

Въ воспоминаніяхъ Бѣлоголоваго приводятся нѣкоторыя письма Боткина къ нему изъ Вѣны, гдѣ онъ между прочимъ описываетъ свои вѣнскія впечатлѣнія. Выдержки изъ этихъ писемъ мы и приведемъ, какъ лучше всего характеризующія и самого Боткина въ его отношеніяхъ къ дѣлу, и то, какъ и что онъ работалъ въ Вѣнѣ.

Въ письмѣ отъ 2-го января 1859 года, онъ пишетъ: „... Всѣ праздники прошли для меня незамѣтно, потому что лекціи продолжались, за исключеніемъ первыхъ двухъ дней. До сихъ поръ я вполне удовлетворенъ только лекціями Людвига, превосходящими всякое ожиданіе ясностью и полнотой изложенія; лучшаго физиолога мнѣ еще не приходилось слышать; личность Людвига — самая милѣйшая, простота и любезность въ обращеніи поразительны. Оппольцеръ безъ сомнѣнія отличный практикъ, но такъ часто грѣшитъ противъ науки, что все же нельзя его назвать хорошимъ клиницистомъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Справь противъ химіи, противъ патологической анатоміи, даже противъ физиологіи, ему случается нерѣдко, по при всемъ томъ, онъ прекрасный наблюдатель, смѣтливый діагностъ,—вообще типъ хорошаго практическаго врача. Впрочемъ, посмотримъ, что будетъ дальше. Гейера хорошъ страшнымъ количествомъ матеріала, какой онъ представляетъ слушателямъ, но лекціи Береншпрунга въ тысячу разъ научнѣе и дѣльнѣе, и я радъ, что прослушалъ Берлишскаго дерматолога, заклятаго врага вѣнскаго. Кромѣ этихъ лекцій, много работалъ я дома съ кровяными шариками и, кажется, скоро кончу эту работу. До сихъ поръ изъ своего предмѣстья

Alser-vorstadt я выходилъ не болѣе двухъ или трехъ разъ въ городъ, который, по-моему въ подметки не годится Берлину. Въна мнѣ положительно не нравился, а жители ея еще меньше; интеллектуальная физіономія сѣвернаго чело-вѣка исчезаетъ здѣсь и замѣняется рабскою, вкрадчивою; люди здѣсь такіе рабы, что противно на нихъ глядѣть, лѣзутъ цѣловать руки и едва не позволяютъ бить себя по щекамъ dem gnädigen Herrn. Квартира моя, хотя и доро-гоныка, но отличная; не пишу тебѣ адреса, потому что за-былъ названіе улицы; ищи пока къ Сѣченову. Поклонись Гоппэ, Магавли и всему Берлину, о которомъ я часто вспо-минаю“...

Во второмъ письмѣ отъ 2-го февраля опъ, сообщая Вѣлоголовому новость о скорой своей свадьбѣ и ожидая извѣстій отъ невѣсты, между прочимъ пишетъ: „...На меня напалъ такой духъ дѣятельности, что я едва съ нимъ справ-лялся. Работалъ съ 8-ми час. утра до 12 постоянно, никуда не выходилъ, кромѣ какъ по медицинскимъ надобностямъ. Подъ нервнымъ возбужденіемъ ожиданія писемъ, работы мои шли какъ по маслу и почти каждая недѣля давала мнѣ результаты, изъ которыхъ сообщаю тебѣ одинъ, чрез-вычайно важный; о немъ ты *по секрету* скажешь только Гоппэ, прося его удержать при себѣ: мочевины растворяетъ человѣческіе и собачьи кровавые шарики, не производя на нихъ, слѣдовательно, того дѣйствія, какъ на лягушачьи. Фактъ чрезвычайно важенъ для фізіологіи и патологіи; я его буду изслѣдовать дальше, дѣлая опыты съ инъекціями мочевины въ вены. Людвигъ приглашаетъ меня къ себѣ работать, чѣмъ вѣроятно я и воспользуюсь со временемъ. Передай Гоппэ, что лѣтомъ буду къ нимъ въ Берлинъ, чему отъ души радуюсь, потому что Вѣной *совершенно* не дово-ленъ, а остаюсь въ ней только для очищенія патологической совѣсти. Порядочному челоѣку въ Вѣпѣ больше 3-хъ мѣ-сяцевъ быть грѣхъ, что имѣи въ виду и пользуйся Берлиномъ“.

Въ слѣдующемъ письмѣ, тоже изъ Вѣны (отъ 5-го марта), приводимомъ Вѣлоголовымъ, сообщая ему съ грустью о томъ, что свадьба отсрочивается, и о своей болѣзни (бо-лями въ печени) опъ между прочимъ пишетъ: „...Полу-чилъ письмо отъ Гоппэ, на которое буду ему отвѣчать, когда пройдетъ скверное настроеніе, теперь только поклонись ему